

ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК

МУЗЕЙНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ
ИЗДАНИЕ

Выходит с июня 2012 года. № 3 (6). Август 2013

Б. В. ЩЕРБАКОВ. ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ. 1969

* * *

*Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.*

*Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.*

А. С. Пушкин. 1825

Поэзия и музыка цветов

У лета есть свойство запоминаться. Отчего, трудно сказать. Длинные ли дни вмещают в себя больше событий. А может быть, это происходит оттого, что лето богато встречами. Особенно в наших музейных пушкинских местах. Где встречи, там и беседы. Начинаются они по-разному, но рано или поздно возвращаются к жизни музея, к тому, что еще хотелось бы осуществить.

Цветы – неотъемлемая часть образа Пушкинского Заповедника. Их разнообразие, гармоничное сочетание оттенков, пространственное расположение обращают на себя внимание посетителей в первую очередь. Не знаю, удастся ли когда-нибудь в полноте воссоздать «цветочные часы», послушно распускающиеся в согласии с невидимым течением времени дня. Но вот времена года, несомненно, отмечены своими характерными ароматами и формами цветущих растений.

Весна – приглашение на цветочный бал подснежников, гиацинтов и ландышей, нарциссов и тюльпанов. Раннее лето зарождается в ярком запахе черемухи, в благоухании сирени, чубушника-жасмина, белого шиповника. Теплые ветра подхватывают и разносят по округе ароматную музыку пионов и роз... В течение всего лета сады Михайловского, Тригорского, Петровского, садовые клумбы Научно-культурного центра в Пушкинских Горах радуют глаз спектаклем, который так умело из года в год ставят сотрудницы садово-парковой службы музея.

Труд это нелегкий, но так воздушны и прекрасны его плоды – цветущие растения, – что невольно веришь в рассказы о золотых, вернее, «зеленых», руках мастериц, доброта которых согревает и волшебным образом помогает растениям представать перед зрителями во всей своей божественной красоте. И уже много раз доводилось слышать рассуждения о том, что в летнюю пору посетители рады были бы приобрести букеты, составленные из музейных и луговых цветов.

Опыт такой у сотрудников нашего музея есть. Известны и неизменно получают высокую оценку цветочные композиции, которые украшают интерьеры домов-музеев. Небольшие букеты могли бы, наверное, радовать глаз посетителей гостиниц и гостиничных домиков. Культура маленьких букетов из цветов, выращенных на пушкинской земле, могла бы войти в традиции праздников и фестивалей. В нынешнем году музею впервые удалось организовать три усадебные выставки цветов, вызвавшие живой интерес и высокую оценку участников.

Думается, что одной из прекрасных новых традиций мог бы стать Летний усадебный фестиваль цветов. В рамках этого праздника хотелось бы объединить музыкантов, фотографов и художников, любителей и профессионалов-цветоводов, знатоков и ценителей поэзии. Если немного по мечтать, центральным событием мог бы стать усадебный «Бал Цветов» или «Цветочная прогулка» с букетиками цветов в руках и петлицах летних костюмов.

Почему бы и нет, возможно, костюмы для таких променадов и балов будут тоже предметом творчества участников праздника и молодых мастеров дизайна из разных уголков России. Возможно, когда-нибудь программки таких праздников, на новый лад возвращающих нас к истокам старинных усадебных традиций, станут предметом гордости и коллекционирования. Как и засушенные на память букетики цветов, напоминающие о счастье летней жизни в пушкинском уголке Псковской земли.

Музей – место, в котором сбываются мечты, место пробуждения талантов в человеке. Давайте объединим усилия для умножении доброты, творческой наполненности и красоты окружающего нас мира.

Г. Н. Василевич,
Директор Пушкинского Заповедника

ФОТО Н. В. АЛЕКСЕЕВОЙ

«Быть здесь – счастье!»

Такая запись была сделана 14 июля в Книге впечатлений в Доме поэта. Каждый раз перед закрытием музея я прочитываю все, что написали наши посетители за день, чтобы знать, откуда они приехали и какое чувство испытали от посещения Михайловского. Москва, Санкт-Петербург, Тамбов, Саратов, Магадан, Брянск, Тверь, Мурманск, Екатеринбург, Сочи, Пенза, Хабаровск, Петрозаводск, Чебоксары, Владивосток, Кострома, Рязань... – выписываю я города, мысленно представляя, какой путь проделали люди, чтобы приехать сюда. А этим летом еще Белоруссия, Украина, Казахстан, Латвия, Эстония, Финляндия, Германия, Франция, Англия, Швейцария, США...

«Мы приехали с Крайнего Севера (г. Заполярный). Моя мечта сбылась, и я увидел, как жил и занимался творчеством великий поэт Пушкин. Это самые замечательные каникулы. Кузнецов Илья. 21.07.2013.»

«...Мне 85 лет. Я всю жизнь мечтала о встрече с любимым Александром Сергеевичем. И вот – наконец. Это счастье. Не передать словами. Джаббаров Н. Н. 28.07.2013.»

«Спасибо огромное за экскурсию! Впечатляет профессионализм экскурсовода! Пушкин оживает в ваших экскурсиях. Подруги Диана и Виктория. Санкт-Петербург. 27.07.2013.»

«... я как будто побывал рядом с Пушкиным. Спасибо вам. И. Т. 12 лет. Хабаровск.»

Экскурсоводы каждый день слышат слова благодарности. Люди отмечают их увлечённость, вдохновение и высокий профессионализм. Благодарят и зрителей – за чуткость, душевность, терпение. Гостей восхищают букеты и цветочные композиции, особенно если составлены они из полевых цветов. А сколько восторгов вызывают цветники, клумбы, рабатки, знаменитая «Цветочная аллея». Петунии, циннии, ирисы, однолетние и многолетние флоксы, лилейники, бархатцы, душистый табак, агератум, астильба, гелиотроп, алиссум, георгины, астры... – все это цветочное царство, сменяя друг друга, цветет и благоухает, создавая неповторимое чувство красоты, гармонии и поэзии. Мы с удовольствием объясняем нашим гостям, что где посажено, рассказываем про наших коллег из садово-парковой службы: благодаря им с мая по октябрь Михайловское радуется цветами. В этом году к усадебному празднику «День рождения Надежды Осиповны» мы получили замечательный подарок – выставку усадебных растений пушкинской поры. Фуксии, бегонии, герани, бальзамины, бархатцы, петунии украсили оба крыльца Дома поэта и лестницу на спуске к реке Сороть.

Благодарность и работникам ремонтно-строительной службы. Мы-то хорошо знаем, сколько кропотливого труда выпадает на их долю. Бесконечный ремонт забора, окружающего усадьбу, многочисленных мостов и мостиков, покраска, заделывание трещин в потолке, ремонт дверей, циклевание полов... – и так изо дня в день, из года в год.

«Спасибо всем, кто содержит музей в таком виде, как он есть. Приезжаем сюда, чтобы набраться сил жить дальше. Филатовы, Кириленко, Скупченко, Фроловы, Гусаковы. 18.07.2013.»

Важно, чтобы эти слова дошли до работников всех служб и отделов Заповедника, ведь они обращены ко всем нам.

Е. Н. Севастьянова,
хранитель музея-усадьбы «Михайловское»

К 189-й годовщине ссылки Поэта

**БИЛЬЯРД ПУШКИНА
В МИХАЙЛОВСКОМ**

Что же есть? Четыре тусклых
Шарика в шкафу светелки...
Сокращенное, чем мускул
На щеке моей сведенной,
Сведенья. Кому их мало?
Мне ли?! Мне звенит весь вечер
Мчащегося пониманья
Ослепительный бубенчик.
Вдоль сукна полей бильярдных
Долог путь мой к звонким веткам,
От шаров до вечных яблок
В палисаде заповедном.
И под вечными снегами,
Под метелью и под ветром
Деревень ночных миганье
Заповедно, заповедно...

То не озеро Кучане,
То чернил разбег и росчерк,
И висок его курчавый –
Та коричневая роша.
Не забыть, не отоспаться,
Не уняться жадной тяге:
Вот шары - их брали пальцы,
Голубые под ногтями.

Вот шары - они как луны
На пути моем бесследном
К дому, к имени, к полудню,
К строчкам пушкинским -
Бессмертным.

Начало 1960-х

Татьяна Галушко

В МИХАЙЛОВСКОМ

Здесь Пушкин вечным властелином
Царит во всем, живет во всех.
И в птичьих трелях по долинам
Звенит его задорный смех.

Его с природой не поссорить.
И, кажется, была пора,
Когда он сам придумал Сороть
Игривым росчерком пера.

Олег Тиммерман

Л. В. ГЕРВИЦ ПРУД В МИХАЙЛОВСКОМ. 1980-е

* * *

«Я лучше, кажется, была».
Да чем же лучше? Меньше знала,
Одна гуляла и спала
И книжки жалкие читала,
Да с бедной няней о любви
Однажды зря заговорила,
Хотя, конечно, соловьи,
Луна, балконные перила...

Но неужели Пустяков,
Мосье Трике с его куплетом
Милей столичных остряков
Или поклонников с лорнетом?
«К ней как-то Вяземский подсел».
Да за одну такую встречу
Не жаль отдать и лунный мел,
И полку книг, - я вскользь замечу.

Мы лучше не были. Душа
Растет, приобретая опыт,
И боль давнишняя свежа,
И с нами тот же листьев шепот,
И речка сельская с Невой
Текут, в одну сливаясь реку.
Как жизнь прекрасна, боже мой!
Как трудно жить в ней человеку!

Александр Кушнер

Л. В. ГЕРВИЦ ВОСПОМИНАНИЕ О ТРИГОРСКОМ. 1978

ВИНО КОМЕТЫ

Кто просмакует, изопьет
Вино двенадцатого года?
Оно сбродило в грозный год,
Когда веселая Свобода,
Избрав курчавый бранный дым
Опорой, облаком, подушкой,
Улыбкой самой простодушной
Сияла гражданам младым

Потом – штыком ее! Кнутом!
Потом – острогов ей! Колодок!
Все это будет, но потом.
Пока что выше подбородок.
Еще не предали мечей
Бойцы – носители Свободы,
И их не ждут еще народы
Обратно – в роли палачей.

Пока что Вольности – вольно:
В трубу трубит, в тунике реет.
А между тем ее вино
Хранит букет, крепчает, зреет,
Безумствует исподтишка
По складам, винницам,
подвалам
И ждет к стаканам и бокалам
Лицейского озорника.

Букет прекрасный – горький
плод:
Донос, изгнание, гоненье...
Вино Свободы Пушкин пьет.
До гроба длится опьяненье.

1974

Нонна Слепакова

СЧАСТЛИВЧИК ПУШКИН

Александр Сергеевичу хорошо!
Ему прекрасно!
Гудит мельничное колесо,
боль угасла,

баба щурится из избы,
в небе – жаворонки,
только десять минут езды
до ближней ярмарки.

У него ремесло первый сорт
и перо остро.
Он губаст и учен как черт,
и все ему просто:

жил в Одессе, бывал в Крыму,
ездил в карете,
деньги в долг давали ему
до самой смерти.

Очень вежливы и тихи,
делами замученные,
жандармы его стихи
на память заучивали!

Даже царь приглашал его в дом,
желая при этом
потреться о том, о сем
с таким поэтом.

Он красивых женщин любил
любовью не чинной,
и даже убит он был
красивым мужчиной.

Он умел бумагу марать
под треск свечки!
Ему было за что умирать
у Черной речки.

1960-е

Булат Окуджава

л. в. гервиц. пушкин в михайловском. этюд. 1975

Мой Пушкин. Как это было

Где-то в году 1970-м мы с друзьями - Никитой Фоминым, Васей Суховым, Сергеем Репиным и Наташей Подковыриной - решили посетить Семена Степановича, о котором в стенах живописного факультета Академии гуляли легенды. По рассказам Никиты, его отец, Петр Тимофеевич Фомин, был в близкой дружбе с Гейченко, балагуром, шутником и вообще хлебосольным хозяином знаменитого села Михайловского.

Была ранняя, еще не холодная осень, когда мы явились на усадьбу. Нас встретил высокий, моложавый седой старик (нам-то было лет по 20 с небольшим). После краткого, о том о сем, разговора с Никитой он, как-то боком, бесцветным взглядом оглядев нашу компанию, как смотрит петух на случайных прохожих, взмахнул пустым рукавом-крылом и велел нам топтать на хоздвор, находившийся на другом конце знаменитой поляны, где проходили ежегодные Праздники поэзии. Кажется, одну ночь мы провели на душистом сеновале, проявив вынужденную непритязательность в комфорте. Как я понял гораздо позже, такой стиль был принят в Михайловском...

Тогдашняя поездка глубоко запала в мою душу. Пушкин с детства был моим соседом по Одессе: я родился и вырос в доме № 16 по Пушкинской (б. Итальянской) улице, где через дорогу, в № 13, находилась гостиница Сикара, где поэт прожил полтора знаменательных года. И вот теперь, как продолжение «странных сближений», как судьба, встреча с его северной ссылкой... Я был вполне заинтригован обилием информации и полон чувств от увиденного в Заповеднике. Сомнения по поводу будущей темы диплома отпали. Буду делать Пушкина!

В июне 1972 года у меня уже сложилась идея картины, которую я увидел в окончательном виде во сне и следующим утром в один присест изобразил на холсте в большом масляном эскизе. На повестку дня вставал вопрос сбора материала: нужно было ехать в Михайловское к С. С. В начале сентября 1972 я объявил об этом моему учителю, Виктору Михайловичу Орешникову, который, кстати, тоже был в близких отношениях с С. С. и даже написал с него два замечательных портрета... Он горячо одобрил мою затею, как прежде одобрил мой эскиз, дал сопроводительное письмо и впридачу подарок для Директора, небольшую картонную коробку. Так я снова оказался в Михайловском.

На сей раз был принят с большим почетом: меня поселили в «генеральской» избе. Изба имела две половины. За стеной слышались чудные звуки Боккерини. С. С. мне объявил, что там живет Катя Звонцова и что к 7 часам нас ждет к чаю.

За чаем, как всегда, командовала Любовь Джалаловна. Она накрыла на стол и поставила очень красивый сервиз. «Вот, - сказала она, - это содержание Вашей коробки, Леня, что вы привезли от Вашего учителя». После чая не хотелось уходить спать, и мы с Катей, оказавшейся очень милой и улыбчивой девушкой, большой любительницей, как и я, классической музыки, бродили по вечерней усадьбе...

Мое михайловское бдение продолжалось уже больше месяца. Росла пачка рисунков, и число холстов увеличилось: интерьеры, утварь, пейзажи заповедных мест, наброски

подлинных вещей поэта, кабинет С. С. Попутно был написан портрет Любови Джалаловны, когда она слегка освободилась от трудов по хозяйству, т.к. С.С. был неделю в командировке.

Приближался праздник 7 Ноября, и я отправился в Малы, на хутор Фоминых, где собиралась вся честная компания моих академических однокашников. Было уже холодно, и по небу носились низкие свинцовые тучи, изредка поливая косым дождем землю древнего Трувора.

Из Малов назад в Михайловское. «И был печален мой приезд»: меня ждало сообщение о призыве в Советскую Армию на срочную службу... К счастью, сложилось так, что, несмотря на враждебные обстоятельства, я успешно написал дипломную картину и в октябре 1973 г. «вышел в отставку», осуществив в один присест и службу в армии, и диплом.

Начало моей преподавательской работы в институте Репина относится к 1975 году, сначала на кафедре рисунка, а затем на кафедре живописи. В 1978 году весной меня пригласили в Деканат живописи. За большим столом, покрытым зеленым сукном, сидели А. К. Соколов, А. А. Деблер и А. А. Мыльников. На столе стояли стаканы с чаем и конфетницы с сушками. Мыльников сказал: «Ну что, "пушкинист", мы знаем о твоей любви к образу великого поэта и о твоей дружбе с Семен Степановичем, - его очки задорно блеснули, в седых усах появилась легкая улыбка, но глаза за стеклами очков смотрели строго, как обычно. - Поедешь руководителем практики в Заповедник?». Алексей Константинович Соколов подлетел ко мне и, обняв за плечи, сказал за меня, от радости проглотившего язык: «Ну конечно, Андрей Андреевич, мы уже с Семен Степановичем обо всем договорились, и он полностью поддерживает». «С тобой поедет и Сережа Репин, будете руководить вдвоем, - сказал Мыльников. - Смотрите, не подведете, поддержите добрую традицию по изображению высокой красоты этих мест».

Радости моей не было предела. Сбывалась давняя мечта поделиться моей любимой темой и мыслями со студентами-живописцами, познакомить с «пушкинской прививкой», как любил говорить С. С.

Поначалу студенты размещались в старой школе на Мехове, в Пушкинских Горах. Условия были очень некомфортные и скудные. Новой институтской базы еще и в проекте не было. Наутро следующего дня мы собрались в «зеленом театре», и С. С. прочел нам (как и всегда в последующие годы) упоительную лекцию, как мог говорить только он. Говорил о «зжидительстве», о «чувствах добрых», о «блаженстве души», о магии здешних мест, о словах поэта «Живи и помни вечно, что все на свете быстротечно». Я внимательно следил за лицами ребят, за тем, как просветлялись они, как слетала с них будничная суетность, как зачарованно они слушали незнакомого доселе оратора. Заслушивался порой и я, хотя и слышал это десятки раз, а все как будто по-новому.

Зажав под култей левой руки привычную папочку с бумагами, он начинал сперва тихо и проникновенно, потом все более расходясь и уже громогласно повествуя о самом важном, как мастерский проповедник. Как будто трогал собеседника сперва деликатно за лацкан пиджака, потом клал свою единственную ладонь на его плечо и, наконец, властно беря за руку, возносил очарованного слушателя на высоты гораздо бóльшие, чем михайловские ели. Вороны срывались со своих мест, цикады прекращали свой оголтелый летний зуд, и студенты с открытыми ртами застывали заслушавшись.

«Ну, Леня, - говорил он потом буднично, - а ты чаю сейчас пишешь?». И добавлял: «В час приходи обедать, Любовь Джалаловна сделала крапивные котлеты».

Множество литературы посвящено этим обедам на знаменитой веранде. Много замечательных людей там перебивало: поэтов, писателей, музыкантов, художников, журналистов... Может быть, чаще других бывал здесь Михаил Александрович Дудин. В конце обеда он своим диском произносил: «ЛДБС», что означало: «Любовь Джалаловна, Большое Спасибо». На что с другого, директорского, конца стола доносилось: «Мишенька, ну съешь еще рыбки, это же Вася сегодня из пруда достал». «Да нет, Семен, я уж пойду», - высоко пропевал в ответ Дудин и тащил меня в свою избушку читать только что написанные сонеты...

Свет из дома Гейченко

Из деревни Дедовцы, что на другом берегу Сороти, хорошо видны по вечерам несколько огоньков Михайловского. Это светятся фонари у дома А. С. Пушкина, а чуть левее огонек в доме, где жил С. С. Гейченко. В непогоду этот огонек особенно выглядел уютным. Сразу представлялось домашнее тепло с запахами пирогов, книг, старинных вещей - дом, где постоянно бывают гости, ведутся беседы, где трудится в своем кабинете Семен Степанович, а уют поддерживает Любовь Джалаловна. Этот островок русской культуры, который привлекал к себе литераторов, художников, артистов<...>

С 1978 года мне приходилось ежегодно проводить летнюю творческую практику студентов живописного факультета Института им. И. Е. Репина в Пушкинском заповеднике. В том же году я купил себе домик в деревне Дедовцы, где затем построил себе и мастерскую. С этого времени мне довелось постоянно встречаться с Семеном Степановичем <...> Ему все было любопытно. Он интересовался, чем я занимаюсь и над чем работаю, течет ли у нас крыша, хватает ли дров. Приобретал и требовал в дар Заповеднику мои работы. А крыша, говорил он, всегда течет, и дров всегда не хватает...

К практике студентов Семен Степанович относился исключительно внимательно и по велению сердца, называя это «пушкинской прививкой». У него к приезду студентов всегда был составлен план работы: когда и где будут проведены экскурсии, какие прочитаны лекции... Такое общение с Семеном Степановичем было наградой всем нам и зримо вводило в мир А. С. Пушкина и его произведений. Рассказы Семена Степановича никогда не повторялись. Всегда была беседа о жизни, а не казенная лекция, где выстраивались образы, столь необходимые художнику в его работе. Он мог рассказать о птицах, населяющих Михайловское, или о деревьях, которые помнят еще Пушкина; мог сочинить тут же целую новеллу о той самой белке, что «орешки все грызет», и т.д. <...>

Ежегодно Семен Степанович устраивал для студентов поездки на музейном автобусе в окрестности Заповедника<...> В каждую такую поездку он был вместе с нами <...>

В конце каждой практики устраивалась итоговая выставка работ <...> Проходили эти выставки в усадьбах или в Братском корпусе Святогорского монастыря. Семен Степанович очень любил присутствовать при отборе работ <...> и очень обижался, если это происходило без него. А уж названия давать работам просто считал своим делом. Названия он давал очень конкретные и развернутые, объясняя, что делается это для зрителей - паломников Пушкинского заповедника. Звучало это примерно так: «Вид на реку Сороту и мельницу крылату со стороны околицы сельца Михайловского» или тому подобное... Таких названий, как «Вечерело», «Темнеет» или просто «Летний день», он не признавал.

Каждый раз выпускался каталог выставки, который печатался в местной типографии, для чего загодя Семен Степанович выдавал кусок линолеума, где вырезались силами студентов не одна, а несколько линограмм для обложки. В его коллекции таких гравюр было много, и использовались они и для других изданий Заповедника <...> Вступительную статью к каталогу Семен Степанович ежегодно писал новую и обязательно конкретную <...> Всегда от руки рисовались плакаты к выставке, а уж открывал выставку только Семен Степанович - Сам.

Вообще Семен Степанович любил художников, да и всех людей искусства <...> Дома у него висело много живописных и графических работ, подаренных ему его друзьями, висели и его портреты работы В. М. Орешникова, А. И. Лактионова, А. К. Соколова...

Иногда Семен Степанович мог задать неожиданный вопрос: «...Вот скажи, какое искусство - самое мощное?», - и

сам же отвечал, что, конечно, музыка, так как она воздействует на нас подсознательно, независимо от нашего желания.

Он любил музыку и, когда из Москвы от Георгия Васильевича Свиридова привез пластинку с его гениальной музыкой к «Метели», всем демонстрировал ее на своем стареньком «Акорде». Он видел, что эта музыка сравнима с пушкинскими стихами, а все в искусстве он сопоставлял с единым своим эталоном таланта, нравственности, культуры - Пушкиным.

<...> До последних дней Семен Степанович не мог жить замкнуто. Общение с друзьями было ему необходимо... В 1992 году он уже долго и тяжело болел, но во что бы то ни стало решил ехать в Петровское на 70-летний юбилей Алексея Константиновича Соколова - старинного своего друга с послевоенных времен, чудесного художника, профессора Санкт-Петербургской Академии художеств <...>

В назначенное время я подъехал на машине к крыльцу его дома в Михайловском. Семен Степанович пребывал в нетерпении и попенял мне, подумав, что я не приеду вовсе. Ходить он не мог, и мы с трудом усадили его в машину. Он был бодр и взволнован. С огромным интересом смотрел по сторонам дороги, вспоминал прожитые годы <...>

Дорога в Петровское недолгая <...> Нас ждали уже на улице. Радости с обеих сторон не было конца. Семен Степанович сразу предупредил, что в дом он не пойдет и чтобы все пироги ему несли в машину, что пить за здоровье юбиляра он будет чай. «А уж вы все пейте, что хотите». Так на улице вокруг машины и прошел весь вечер. Семен Степанович произносил тосты, перепробовал все пироги, шутил, потом стал собираться домой, заявив, что и так засиделся.

Расставаться никому не хотелось. Стоял чудный сентябрьский день. Петровское озеро при вечерних лучах ласково блестело. Стояла тишина настоящего бабьего лета <...> А когда дома Семена Степановича уложили в постель, он со слезами на глазах стал благодарить всех нас <...> «Я ведь два года не выходил из дома и не видел всей этой красоты...». Раньше, когда Семен Степанович был здоров, он объезжал музейные усадьбы ежедневно!

В моей мастерской стоит книжный шкаф с расписной дверцей, на внутренней стороне которой находится три автографа. Это автопортреты Семена Степановича Гейченко и Михаила Александровича Дудина и рисунок Алексея Константиновича Соколова - трех близких друзей. Их теперь уже нет с нами. Светлая им память!

С. Н. Репин,
Профессор института живописи, скульптуры и архитектуры
им. И. Е. Репина, член-корреспондент
Российской академии художеств
Публикуется с сокращениями по кн.:
Псковская земля. История в лицах.
«Обитель дальная трудов и чистых нег». - М., 2008.

С. Н. РЕПИН. КОНЕЦ ЗИМЫ. 2004

Эпоха Гейченко

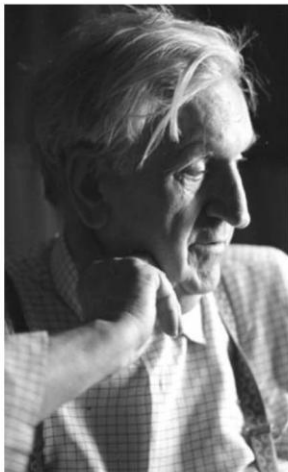
К 20-летию со дня ухода Хранителя

Притяжение пушкинской галактики

<...> Впервые в этих местах я оказался в теперь уже далеком 1965 году, был тогда ассистентом кинооператора Федора Ивановича Овсянникова - друга Гейченко. Федор Иванович использовал любую возможность приехать в заповедник и, если не поработать, то хотя бы отдохнуть. Поэтому две поездки туда не были краткосрочными, и я имел возможность исходить вдоль и поперек парк Михайловского и Тригорского, побывать в Успенском соборе Святогорского монастыря, на могиле Пушкина. <...> Тогда в парках и в монастыре стояли мраморные панели с выбитыми на них пушкинскими стихами. <...> Так вот, я стал переписывать эти понравившиеся стихи в свой блокнот. Чего греха таить, в школе литература не входила в число моих любимых предметов, хотя дома хранилась <...> библиотека, собранная моим папой. А вот таким необычным способом литература стала завоевывать мою душу. Именно эти «мраморные стихи» стали для меня воротами в мир поэзии. На сегодня у меня дома уже не хватает места для новых книг.

Спустя десять с лишним лет, уже работая штатным фотокорреспондентом, я решил взять очередной отпуск, совместив, как говорится, приятное с полезным. Так получилось, что мой друг и коллега Рудольф Кучеров в эти же самые осенние дни также оказался перед дилеммой: как провести освободившееся от работы время. И одновременно решили, что надо бы поехать в Михайловское и сделать фотоочерк о директоре заповедника. А накануне я как раз запоем прочитал его книгу «У Лукоморья». Решение было принято, и октябрьским днем автобус с Обводного вокзала понес нас на псковскую землю. На следующее утро, увешанные «Никонами», встречаем Семёна Степановича на аллее старинного парка. Знакомимся, объясняем цель нашего приезда и оказываемся вовлеченными в мир этого удивительного человека. А на дворе стояла золотая осень, в саду деревья прогибались под небывалым урожаем яблок. Незаметно пролетели дни, снятая пленка ждала проявку, наши саквояжи наполнялись огромным количеством подаренных книг, буклетов, рисунков. А коробки с михайловскими яблоками приятно утяжеляли наш немалый багаж. Так началась дружба, которая продлилась целых 17 лет.

«Надо ехать!» - говорили мы друг другу, когда уже «скакали душами». Брли отгулы, и, как уж повелось, большинство поездок <...> было совершено вдвоем с Рудольфом. И надо сказать, что нам везло, и не только с погодой, но, самое главное, со знакомствами. «Дружба, рожденная в Пушкинских Горах, прекрасна», - написали мне в 1980 году на только что вышедшей книге «Приют, сиянием муз одетый» ее авторы - фотограф Женя Кассин и художник Гриша Расторгуев. <...> Кого только мы не встречали здесь! <...> А сколько светлых минут общения на веранде у Гейченко в Михайловском, в «генеральском» доме напротив, в пушкиногорской «Дружбе», в монастырской гостинице! И всем этим встречам я обязан Семёну Степановичу. И низкий ему за это поклон. Надо сказать, что сегодня, часто думая о тех 60 - 70-х годах, я вспоминаю те Дни поэзии, когда на знаменитой поляне Михайловского в первый воскресный день июня <...> собирались люди из самых разных, порой отдаленных уголков нашей страны. Сюда приходили и приезжали накануне, с вечера занимали очереди - как за духовной пищей, так и за вполне материальным дефицитом. <...> Помимо уже изрядно подзабытого псковского сушеного сметка, батонков колбас, шоколадных конфет, растворимого кофе, пакетиков чая «со слоником», приезжий люд нес

1980-е. ФОТО Р. КУЧЕРОВА

С РУДОЛЬФОМ КУЧЕРОВЫМ. 1977
ФОТО Р. КУЧЕРОВА

С ЛЕОНИДОМ ГЕРВИЦЕМ И СТУДЕНТАМИ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ. 1981
ФОТО Ю. БЕЛИНСКОГО

С М. А. ДУДИНЫМ. 1981
ФОТО Р. КУЧЕРОВА

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ПУШКИНОГОРСКОМ ДОМЕ КУЛЬТУРЫ. 10 ФЕВРАЛЯ 1983
ФОТО Ю. БЕЛИНСКОГО

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ
КОНСЕРВАТОРИИ. МАРТ 1982
ФОТО Р. КУЧЕРОВА

С ГЕНЕРАЛОМ ЮРИЕМ ЯШИНЫМ. 1985
ФОТО Ю. БЕЛИНСКОГО

С ЛЮБОВЬЮ ДЖАЛАЛОВНОЙ. 1980-е
ФОТО Р. КУЧЕРОВА

В МАСТЕРСКОЙ А. К. СОКОЛОВА. 1985
ФОТО Ю. БЕЛИНСКОГО

ОКТАБРЬ 1977. ФОТО Ю. БЕЛИНСКОГО

авоськами (!) книги, которые в обычные дни не появлялись на полках тогдашних книжных магазинов. Выступления официальных лиц, известных и неизвестных писателей и поэтов... <...> Толпы, заполонившие аллеи парков, вереницы очередей в усадьбы Михайловского, Тригорского, Петровского. <...>

Как-то Семен Степанович, сидя на веранде за чаем, сказал, что сотни тысяч людей проходят мимо его окон к Дому поэта, и если из этой массы кто-нибудь еще раз сюда вернется, то он свою миссию выполнил. И многие из вернувшихся стали друзьями заповедника, помогая <...> в меру сил и возможностей. <...> Главным для него было Служение Пушкину. Обладая незаурядным талантом, он вовлекал в пушкинскую галактику все больше и больше людей, делал им чудодейственную прививку. <...> Можно смело сказать, что в Михайловское приезжали не только к Пушкину, но и стремились увидеть Гейченко, пожалуй, самого известного в стране музейного работника. <...> Он умел совместить реальный мир с миром вымышленным, и получалось это так, что сочиненные вещи передавались из уст в уста, как правдивые истории. <...>

Есть такое слово – «судьба». Что оно значит? Судьба привела сюда Александра Пушкина, не все его приезды в глухой уезд Псковщины были добровольными. Но именно здесь он скажет:

«И Бога глас ко мне воззвал...» <...>

Судьба же привела и Семена Гейченко в эти места. 43 года директорствовал он. Восстановил заповедник, вернул Дух Пушкина. Ввел в этот мир огромное количество людей самых разнообразных профессий. Он посвятил Пушкину свою судьбу, талант, страсть. Может быть, именно здесь, в «пустыне мрачной», какой предстало перед Гейченко разоренное войной Святогорье, понял он свое Предназначение. <...>

В августе 1993 года его не стало. Мы приехали в заповедник. Какое-то неестественно-синее небо с нарядными облаками, которое никак не вязалось с трауром, было в день похорон. Гроб с телом Хранителя вынесли из дома, пронесли мимо дома А. С. Пушкина, по Еловой аллее мимо часовенки, потом мимо Святогорского монастыря к Казанской церкви. Его отпели и после на руках подняли на городище Воронич. Похоронили рядом с Любовью Джалаловной. Ночью прошел дождь. Кончилась эпоха Гейченко.

Юрий Белинский.
Санкт-Петербург, 2003 год

***

А в этом году известный фотограф Юрий Белинский побывал на XLVII Всероссийском Пушкинском празднике поэзии. Познакомившись на сайте музея с виртуальной выставкой «Сельцо Михайловское и его обитатели», он одобрил это направление работы по собиранию истории музея и предложил нам подумать о фотопроекте под названием «Эпоха Гейченко». Из его уст это прозвучало не только заманчиво - обнадеживающе: эпоха закончилась, но образ олицетворявшего ее человека жив и продолжает вызывать интерес, воспитывать, волновать, рождать «чувства добрые», как любил повторять сам Семен Степанович. Тому подтверждением служит хотя бы такая запись в Книге впечатлений Дома-музея А. С. Пушкина в Михайловском: «С благодарностью Семену Степановичу Гейченко и всем работникам музея. Да благословит Вас Господь. Гришкова Наталья, г. Чита, 4 июня 2013 г.».

И. Ю. Парчевская,
ведущий специалист службы информации

Вновь найденное изображение чудотворной иконы «Умиление» Божией Матери Святогорской

Нет экскурсовода, который, повествуя о месте упокоения Александра Сергеевича Пушкина, не упомянул бы о чудотворных иконах Божией Матери «Умиление» и «Одигитрия». С ними связаны чудеса и исцеления, после которых Иван Грозный повелел быть обители, с ними неразрывно связана последующая более чем 400-летняя история Святогорского монастыря. Явленная икона Божией Матери «Одигитрия» и поныне хранится в Святогорском монастыре. А чудотворная икона «Умиление» исчезла в лихие для русской церкви годы Советской власти.

Для справки: дореволюционные фотографии чудотворной иконы «Умиление» опубликованы в следующих изданиях:

- В издании «Святогорская повесть» (Пушкинские Горы, 2005) представлена фотография XIX века — чудотворная икона «Умиление» Святогорская в серебряном окладе, известном по подробному описанию у игумена Иоанна (рис.1).

- В издании Администрации Псковской области «Святогорский Успенский монастырь» (Автор-составитель М. Е. Васильев. Псков, 1997) воспроизводится изображение фототипии К. А. Фишера (Москва, 1899) с подписью: «Явленная и чудотворная икона Божией Матери «Умиление». С боков и вверху изображены события из земной жизни Богоматери». К сожалению, лики Богоматери и Младенца практически не видны, можно разобрать только клейма оклада (рис.2). Полного перечня сюжетов клейм пока не удалось обнаружить, хотя чудотворным иконам «Умиления» и «Одигитрии» были посвящены отдельные статьи в Пушкинской энциклопедии «Михайловское» (с. Михайловское - Москва, 2003).

- Последнее дореволюционное изображение «Умиления» встречается у Л. И. Софийского (фотография А. И. Герасимова 1912 года) (рис. 3).

РИС. 1

РИС. 2

РИС. 3

Сейчас в монастыре имеются два дореволюционных списка с этой чудотворной иконы. Один из них представляет икону в следующих современных изданиях Святогорского Свято-Успенского монастыря: переиздании «Описания Святогорского Успенского монастыря Псковской Епархии» игумена Иоанна 1899 года (М., 2003) и «Акафисте Пресвятой Богородице, пред явленою и чудотворною иконою, именуемою Одигитрия» (Пушкинские Горы, 2004) (рис. 4).

В Пушкинской энциклопедии «Михайловское» для иллюстрации статей об иконах «Одигитрия» и «Умиление» использованы фотографии из современного путеводителя по Пушкинскому Заповеднику, несколько раз переиздававшегося. Там представлен второй список иконы «Умиления», принадлежащий Святогорскому монастырю (рис. 5). Ориентировочно его можно датировать концом XIX - началом XX века (главным образом, по окладу). По какому-то недоразумению в музейных изданиях он отображен зеркально, с Младенцем на правой руке. Жаль, что ни в энциклопедии, ни в путеводителе никто не обратил на это внимания, хотя в энциклопедии приводится описание игумена Иоанна: «Богородица держит Богомладенца на левой руке» - этот признак является отличительным для Святогорской иконы

Божией Матери «Умиление». Еще один признак чудотворной иконы, бывшей в монастыре - «вокруг образа изображены праздники Божией Матери: Зачатие, Благовещение и проч.». На дореволюционных фотографиях мы видим повторенные на окладе клейма иконы, среди которых разбираются, помимо Зачатия и Благовещения, еще Отечество, Рождество Богородицы, Введение Богородицы во храм. Всего же сюжетов одиннадцать.

РИС. 4

РИС. 5

Между тем в фотонегативе Пушкинского Заповедника есть изображение иконы Божией Матери «Умиление» Святогорской с праздниками без оклада (рис.6). Сведения в учетной документации музея следующие: **Негатив. Автор: Шаров А. С., артель «Трудовик», Пушкинские Горы** (Негатив вместе с партией других подарен А. С. Шаровым, поэтому номер и дата акта не указаны, но занесен между актами от 19.06.1953 и 17.09.1953. Негативы этой партии от А. С. Шарова датируются 1949 - 1952 гг.). **Название изображения: «Церковь на Тимофеевой горке. Древняя икона «Умиления»».**

При внимательном рассмотрении выясняется, что это не «древняя икона», а копия с нее второй половины XIX века, воспроизводящая в смешанной технике не только размер (1 аршин 6 вершков на 1 аршин 2 вершка, т. е. примерно 98x80 см), но и оклад, венец и ризы. Описание оклада у игумена Иоанна не совсем совпадает с изображенным на фотографии, возможно, оклад, изготовленный в 1837 году, подвергался доделкам и изменениям на протяжении XIX века (хотя описание у игумена Иоанна по всем количественным характеристикам совпадает с зафиксированным описью 1866 года состоянием, кроме одного — в описи 1866 года указано 15 серебряных позлащенных венчиков «в чудесах» возле икон, у игумена Иоанна — 50). Первая цифра правдоподобнее. Причем это важно для идентификации некоторых неопознанных сюжетов «в чудесах».

Лик Богородицы представляется идентичным изображению в окладе, помещенному в «Святогорской повести». О цветовой гамме иконы и технике можно судить по сохранившейся аналогичной по технике, орнаменту и соответствию мере иконе «Одигитрии» Святогорской, находящейся в настоящее время в церкви Воскресения Словущего в Терebenях. Можно предположить, что копии икон с изображением окладов «Умиления» и «Одигитрии» выполнены одновременно одним мастером в промежуток между 1866 (запись на иконе «Умиления» об очистке ее от пыли и копоти Иваном Алексеевичем Травиним «по составу академика Алексея Травина») и 1899 годами (фото конца XIX века - в окладе, но с ликом, аналогичным копии, в издании «Святогорской повести» 2005 года). Дальнейшие уточнения требуют работы с фондом Святогорского монастыря в Государственном архиве Псковской области.

Нам кажется, что в музейных изданиях следует представлять икону Божией Матери «Умиление» Святогорскую именно через изображение с негатива из музейного фонда - во-первых, как более близкое к оригиналу воспроизведение подлинной чудотворной иконы, во-вторых,

как презентацию предмета из музейного собрания. Определенный интерес изображение представляет и как основа для воссоздания точной копии чудотворной иконы (с перспективой использования в Георгиевской церкви, откуда происходил подлинник).

РИС. 6

P. S.

Рожденные в года глухие...

А. А. Блок

Тонкая ниточка, именуемая поэтами «связь времен»... Как часто она рвется потому, что рядом не оказывается человека, способного ее сохранить... Сегодня, когда исполняется 20 лет со дня ухода великого Хранителя, гражданина, музейоведа, искусствоведа, пушкиниста - Семена Степановича Гейченко - хочется еще раз сказать ему слова благодарности за сохранение связи времен, памяти поколений и прочих высоких понятий - сохранение своими практическими действиями, за оставление физических памятных знаков, позволяющих хранить Память - о себе, своей земле, своем народе, своей культуре. Не будем вдаваться в подробности - их не восстановит сейчас, - но в 1953 году принять в фонд музея негатив с изображением «древней иконы Умиления» (а ранее заказать и, почти наверняка, оплатить из своего кармана выполнение этой фотографии) - равносильно подвигу. Как подвигом было восстанавливать часовни, поклонные кресты, колокольные звоны, а порой и просто устанавливать «мраморный литературный этикетаж» с упоминанием «часовни ветхой». И то, что сегодня мы имеем возможность представить себе одну из чудотворных святынь Святогорского монастыря, мы обязаны именно ему - легендарному директору Пушкинского Заповедника всех времен, Семену Степановичу Гейченко.

И за это, говоря словами того же Блока, -

«Тихо кланяюсь ему».

Е. А. Ступина,
ведущий специалист службы музейных фондов

Рукою Гейченко

Продолжаем публикацию автографов С. С. Гейченко, хранящихся в отделе учета музейных фондов Пушкинского Заповедника. Приводим юбилейные материалы музейных поступлений, составленные пятьдесят лет назад.

Акт № 34

15 ноября 1963 г.

с. Михайловское

Составлен <...> в том, что 30 октября 1963 г. директором Пушкинского заповедника Гейченко С. С. в г. Москве от г-ни Кузьминой Татьяны Николаевны /научного сотрудника Института общей и неорганической химии АН СССР/ получены в дар Заповеднику следующие предметы, которые внесены в опись основного фонда с присвоением инвентарных номеров Заповедника:

1) Чашка чайная из белого фарфора в виде полуяйца, принадлежавшая Е.Н. Вульф.

Высота 6,2 см Д. верх – 7 см Д. низ – 4,5 см.

Сохранность: Позолота потерта, изображение Е. Н. Вульф тоже частично вытерлось.

ПЗ-1285 <...>

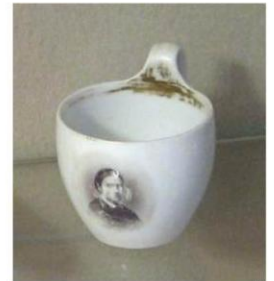
Примечание: Т. Н. Кузьмина является доверенным лицом по завещанию Мар. Павловны Баклановой, долгое время служившей у Карповых. Умерла в Москве в 1963 г. Жила на М. Якиманке д. 13 кв. 3.

Всего по данному акту получено в дар 18 предметов – кроме чашки Е. Н. Вульф, еще 17 фотографий из собрания Б. Г. Карпова.

Акт подписан: С. С. Гейченко, научным сотрудником В. Я. Шпиневым и научно-техническим сотрудником Л. Д. Сулеймановой.

В контексте данной публикации нам интересны еще два рукописных документа, составленные С. С. Гейченко:

1) описание мемориальной чашки для составления вышеуказанного акта: «Чашка чайная из белого фарфора в виде полуяйца; ручка несколько приподнята над верхним краем. Посредине туловища в овале поясной женский портрет, разворот в три четверти, прическа гладкая, на прямой пробор, перехвачена лентой, платье темное с белым воротником.

ЧАШКА Е. Н. ВУЛЬФ (ВРЕВСКОЙ)

Внутри чашки (верхний край) и посередине ручки имеются следы позолоты. Фабричного клейма нет – на доннышке выдавлено «26». Снаружи и внутри чашка сильно поцарапана.

По свидетельству Татьяны Ник. Кузьминой эта чашка была специально заказана для Евпр. Никол. в память «золотой» или «серебряной» свадьбы. Так Т.<атьяне> Н. <иколаевне> рассказывала М. П. Бакланова, у которой эта чашка хранилась до 1963 года <...>».

СУЛУЭТ Б. Г. КАРПОВА

2) краткая справка об упомянутых персоналиях: Борис Григорьевич Карпов – родной внук Евпраксии Ник. Вревской – профессор Лаборатории аналитической химии Института химии АН СССР. Жена Бориса Григ. – урожденная Янович – дочь генерала Яновича. Ее бабушка (по матери) была замужем за Сиверсом. Мария Павл. Бакланова – родом из Опочки – была долгое

время прислугой у Карповых <...>

Материал подготовила Е. В. Петрова,
начальник отдела учета музейных фондов

К 100-летию со дня рождения А. М. Гордина

Вокруг «Сожженного письма»

Среди нескольких стихотворений Пушкина, которые обычно связывают с именем Е. К. Воронцовой, «Сожженному письму», созданному в Михайловском, принадлежит особое место. Его называют как главный довод в пользу того, что графиня отвечала взаимностью влюбленному поэту, мало того — была его любовницей.

Однако эта весьма распространенная версия одного из «романов» Пушкина и все, связанное с нею, нуждается в серьезных коррективах. Ведь здесь имеет место не просто обычная любовная история, а роман поэта, вокруг имени которого уже при жизни его складывались легенды. И «роман» с Воронцовой при беспристрастном и здравом суждении о нем нельзя не отнести к разряду легенд. Доказательством тому служит вполне объективное свидетельство такой умной, проницательной и расположенной к Пушкину женщины, как В. Ф. Вяземская <...>, а также анализ реальных обстоятельств.

Вскоре после высылки Пушкина из Одессы Вера Федоровна писала о нем мужу: «Я была единственной поверенной его огорчений и свидетелем его слабости, так как он был в отчаянии от того, что покидает Одессу, в особенности из-за некоего чувства, которое разрослось в нем за последние дни, как это бывает. Не говори ничего об этом, при свидании потолкуем об этом менее туманно, есть основания прекратить этот разговор. Молчу, хотя это очень целомудренно, да и серьезно лишь с его стороны». <...>

Свидетельство это тем более достоверно, что В. Ф. Вяземская, живя в Одессе, очень сблизилась и с Е. К. Воронцовой, много времени проводила в ее обществе и могла наблюдать весь ход «романа». Роман был платоническим, «целомудренным» и, так сказать, односторонним — «да серьезно лишь с его стороны». А со стороны Воронцовой мог иметь место лишь легкий флирт (она была кокетлива), благосклонность, сочувствие. Ей, конечно, льстило поклонение Пушкина, но, учитывая обстоятельства тогдашней ее жизни, ничего иного представить себе невозможно. Ведь только что появившаяся в Одессе графиня Воронцова (и, кстати сказать, беременная) была не просто дама, приехавшая к мужу, а супруга самого генерал-губернатора, вновь назначенного хозяина огромного края, занимающая высокое общественное положение — «первая леди» Одессы, которая, родив сына, тут же погрузилась в свои семейные и светские обязанности <...>, находилась у всех на виду, в доме, полном гостей, сослуживцев мужа, прислуги. Кроме того, при ней на правах родственника постоянно находился страстно влюбленный в нее Александр Раевский. В подобной ситуации невозможно предположить, чтобы эта вполне здравомыслящая тридцатилетняя светская женщина <...> настолько бы забылась, настолько увлеклась и потеряла голову, настолько не дорожила ни своей репутацией, ни репутацией своего мужа, что завела скандальный роман <...> с молодым ссыльным поэтом, а затем писала ему в Михайловское любовные послания. Последнее утверждение обычно основывается на позднейшем рассказе сестры поэта Ольги Сергеевны и на стихотворении «Сожженное письмо».

В пятидесятых годах прошлого века Ольга Сергеевна рассказывала первому биографу Пушкина П. В. Анненкову, что, получая осенью 1824 года письма, запечатанные перстнем, Пушкин «запирался в своей комнате, никуда не выходил и никого не принимал к себе». Перед отъездом из Одессы Пушкин, по преданию, получил в подарок от Воронцовой перстень с печаткой, на которой, как он полагал, была вырезана арабская надпись. Второй такой же перстень Воронцова якобы оставила у себя. Надо сказать, что рассказ Ольги Сергеевны <...> страдает фактическими погрешностями, и это не удивительно через столько лет. Она забыла, что в небольшом тесном михайловском доме до отъезда ее, Льва и родителей у Пушкина не было своей комнаты, где бы он мог запирается, и в первые месяцы жизни в деревне ему некого было принимать.

Рассказ Ольги Сергеевны несомненно относится к области легенд и является результатом гипнотического влияния «Сожженного письма».

Прощай, письмо любви! прощай: она велела.

Как долго медлил я! как долго не хотела

Рука предать огню все радости мои!..

Но полно, час настал. Гори, письмо любви...

Здесь все атрибуты позднейшей легенды — и «письмо любви», и отпечаток «перстня верного», но реальные обстоятельства опровергают легенду.

Летом 1925 года один из знаменитых российских «вестовщиков» братьев Булгаковых, которые по долгу службы и по собственной любознательности распечатывали чужие письма, — Константин Яковлевич <...> писал своему брату — петербургскому почт-директору, что граф М. С. Воронцов «желал, чтобы сношения с Вяземской прекратились у графини; он очень сердит на их обоих, особенно на княгиню, за Пушкина, шалуна-поэта, да и подделом». Если Воронцов из-за Пушкина не хотел, чтобы его жена поддерживала отношения с В. Ф. Вяземской, стал бы он терпеть, чтобы Елизавета Ксаверьевна переписывалась с самим Пушкиным, которого, как известно, он люто возненавидел, которого считал «мерзавцем» (свидетельство Ф. Ф. Вигеля), «сумасшедшим» (так называл он поэта в своих письмах)?

<...> Ничего подобного Воронцов бы не допустил. И графиня это знала. Она знала и то, что письма Пушкина и к Пушкину подвергаются перлюстрации. Знала, что о ее письмах к поэту стало бы незамедлительно известно мужу — одесская почта и полиция были в его руках.

Воронцова не вела с Пушкиным ни любовной, ни какой иной переписки по той простой причине, что, во-первых, не была влюблена в него, а во-вторых, учитывала реальное положение вещей. Действительно, имело место получение Пушкиным письма от графини вскоре после приезда в Михайловское. 5 сентября 1824 года он по-французски написал в своем дневнике: «Письмо от Элизы Воронцовой». Письмо это <...> написано было явно не без влияния горячо сочувствовавшей Пушкину Веры Федоровны Вяземской <...>

Что же касается до «Сожженного письма», то это — поэтическое произведение, мечта поэта о «письме любви», а не констатация реального биографического факта. Неоспоримым подтверждением тому служит и факт опубликования Пушкиным «Сожженного письма» в собрании своих стихотворений 1826 года. Если бы дело обстояло иначе, Пушкин, с его понятиями о чести, никогда бы не поступил подобным образом. Как бы он выглядел в глазах Воронцовой, афишируя их близкие отношения, если бы таковые имели место?.. Вероятно, побудительной причиной создания «Сожженного письма» явилось единственное письмо Воронцовой. Но не более того.

Пушкин писал это стихотворение в середине декабря 1824-го — начале января 1825-го года. 24-го марта 1825 года он сообщал В. Ф. Вяземской: «Я не поддерживаю никаких сношений с Одессой и мне совершенно неизвестно, что там происходит». <...>

А. Гордин. «Пушкинский край», 23 августа 1994 года

А. М. ГОРДИН, С. С. ГЕЙЧЕНКО И Л. Д. СУЛЕЙМАНОВА. 1946. ФОТО Ф. И. ОБСЯННИКОВА

Август в Тригорском

Месяц август - особенный в истории музея-усадьбы «Тригорское». 21 августа 1962 года был открыт Дом-музей Осиповых-Вульф. В прошлом году в это время музей торжественно отметил свое пятидесятилетие. 35 лет назад, 21 августа 1978 года, к основной экспозиции присоединилась библиотека, расположенная на второй половине дома.

И. ЧУГУНОВ. БИБЛИОТЕКА В ТРИГОРСКОМ. 2008

Пушкин любил работать в тригорской библиотеке. Здесь были книги по истории, философии, географии, агрономии и другим областям знаний; произведения русской словесности времен Новикова и Сумарокова; художественная литература, составлявшая круг чтения «уездных барышень»; книги с автографами хозяев Тригорского, Н. М. Языкова, А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского, А. И. Тургенева, П. А. Вяземского; семейные альбомы тригорских обитателей со вписанными рукой А. С. Пушкина посвященными им стихами, книги с дарственными надписями поэта; древние церковные книги из храмов Воронича. Среди рукописей в библиотеке был список XVIII века «Святогорской повести о чудесном явлении Богородицы на Синичьей горе», с которым поэт работал при создании драмы «Борис Годунов». Библиотека была описана Б. Л. Модзалевским, ее каталог напечатан в книге «Поездка в Тригорское в 1902 году». Значительная часть книг тригорской библиотеки, в том числе с пометками хозяев Тригорского и А. С. Пушкина, в 1913 году была передана Пушкинскому Дому, где сейчас и хранится. Эти сведения, наряду со свидетельствами пушкинистов, видевших библиотеку в XIX – начале XX века, другими архивными материалами, стали основой при создании экспозиции библиотеки Тригорского.

Вот как описывает эту работу С. С. Гейченко в книге «У Лукоморья»: «Библиотека Тригорского была открыта только шестнадцать лет спустя после восстановления дома. Собираание и оборудование ее оказалось делом очень трудным и потребовало от нас многолетнего кропотливого труда. Сотни старинных изданий были пожертвованы нам библиотекой Государственного исторического музея, библиотекой дублетов редких книг Московского государственного университета имени Ломоносова, частными лицами – друзьями Пушкинского заповедника; некоторые книги куплены в

букинистических магазинах. Библиотека оборудована в той комнате, в которой видели ее Б. Л. Модзалевский, М. Л. Гофман и историк М. И. Семевский, впервые рассказавший о ней в статье «Прогулка в Тригорское», опубликованной в газете «Санкт-Петербургские ведомости» за 1866 год.

В соответствии с описями и фотографиями внутреннего убранства дома Псковский мебельный комбинат изготовил для нас копии упомянутых в описи 1881 года «черных двухстворчатых, со стеклянными дверцами, библиотечных шкапов». В этих шкапах вновь заняли свое место сочинения любимцев Пушкина: Байрона, Шекспира, Руссо, Вольтера, Гете, Шиллера в изданиях начала XIX века; книги Сумарокова, Тредиаковского, Ломоносова; книги Баратынского, Козлова...

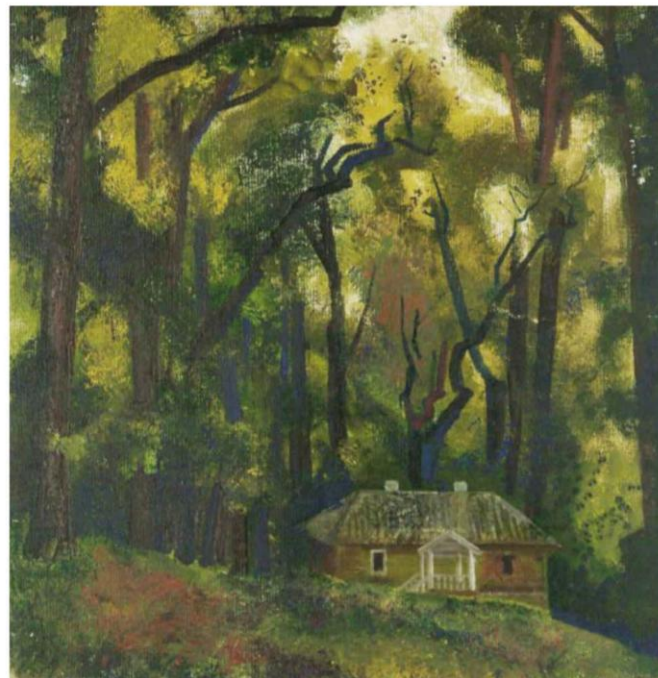
Сегодня здесь все, как было при Пушкине...».

В нынешней экспозиции Дома-музея библиотека, наряду с интерьерными комнатами «парадной» половины усадебного дома, стала неотъемлемой частью созданного С. С. Гейченко мемориального мира пушкинского Тригорского, образцом музейного искусства, задающим тон в дальнейшей работе по развитию экспозиционного пространства музея.

В этом же памятном 1978 году была восстановлена и 3 июня открыта банька Тригорского – место, связанное с пребыванием в имении П. А. Осиповой поэта, сокурсника Алексея Николаевича Вульфа по дерптскому университету Н. М. Языкова. Летом 1826 года здесь собиралась тригорская молодежь, из Михайловского приходил Пушкин. Эти встречи, оставившие след в стихах двух поэтов, стали достоянием русской и мировой литературы. Вместе с тем, банька стала продолжением работы С. С. Гейченко по воссозданию мемориального облика тригорской усадьбы, в пушкинское время включавшей в себя не только отдельно стоящее здание господского дома – бывшей полотняной фабрики, но и старый господский дом, хозяйственные службы, оранжерею, «затеи» устроенного на английский манер парка.

Одним из неисполненных устремлений С. С. Гейченко был проект воссоздания церковей Воронича – Воскресенской и Георгиевской. В продолжение начатой им работы на городище Воронич возрожден храм Великомученика Георгия Победоносца, вблизи которого покоятся тригорские друзья Пушкина и, теперь уже небесный, создатель и хранитель этих мест – С. С. Гейченко. 2 августа, в 20-ю годовщину его ухода, на городище Воронич по сложившейся традиции была отслужена лития.

К. П. Бурченков,
хранитель музея-усадьбы «Тригорское»

С. Н. РЕПИН. ТРИГОРСКОЕ. БАНЬКА. 1978

Про Пушкинские Горы

Про Пушкинские Горы очень трудно писать. Хочется написать одновременно и пронзительно, и нескучно, и непафосно. Так не получается. Хочется цитировать Пушкина и Довлатова, трудно удержаться. Когда в школе мы ездили по «пушкинским местам», вполуха прислушиваясь к рассказу экскурсовода/учителя/сотрудника Заповедника, я и не думала, что скоро это станут не «пушкинские места», это станут мои места.

Вышло так, что в Пушкинских Горах я была четыре раза. Три раза – вместе со своим классом, в поездках разной длительности и разной степени погруженности. Разной степени сознательности. С разными учителями, немного разным составом. В четвертый раз мне посчастливилось поехать в Пушкинские Горы на пару недель, летом, вместе с французскими школьниками, съездить в Псков, в Изборск и Печоры, пожить в гостинице, на турбазе, переночевать в палатке. Невозможно, чтобы место каждый раз оставалось тем же – нет, Пушкинские Горы каждый раз были совершенно другими.

Если это зима – то это обязательно настоящие рождественские морозы, это обязательно прогулки пешком, с песнями, и мы такие розовощекие и горячие, и переход в 5 км по морозу нам не помеха, и вечером так здорово обмениваться впечатлениями с друзьями, с преподавателями, так здорово читать стихи, петь песни – песни, которые слушаем и поем мы, шестнадцатилетние в 2004, и песни, которые пели, слушали, писали наши преподаватели, когда были, как мы.

Если осень – то взять в прокате «вэлики» и дернуть до Михайловского, выполнять ответственное спецзадание – у каждой команды из класса спецзадание свое, – ведь лучше всего учиться именно так, не по подсказке, не по указке «посмотрите туда», а рассмотреть пристально то, что хочется, и столько времени, сколько хочется, и сделать из этого свои выводы, вынести свои впечатления. Сейчас воспоминания предстают как фотографии-ощущения. Бежать к мельнице. Ехать во весь дух по тенистой и мистической аллее, под тяжелыми сводами темных ветвей. На коленке записывать рассказ о впечатлениях, сводить воедино все, что мы увидели. Потом озвучивать фильм – да-да, благодаря нашим преподавателям и экскурсоводам у нас есть целый видеofilm о Пушкинских Горах, помню, я озвучивала отрывок про приготовление «жженки». Нашим поездкам в Пушкинские Горы я благодарна именно за это, за возможность узнавать и творить самой.

Если лето – то обязательно надо пройти полем, среди высоких цветов по узкой тропинке, походить в лесу, устроить пикник, послушать и попеть походных песен ночью у костра, искупаться ночью в реке. Заповедник необязательно должен быть скучным и строгим. Моя летняя поездка была волшебной – даже я сама могла почувствовать себя гидом, рассказать французским ребятам по-французски (!) о своих предыдущих поездках, о том, что забыл упомянуть экскурсовод. В тот раз мы два дня провели на стоянке археологов-волонтеров рядом с Тригорским, где вместе работали волонтеры из Петербурга и Перми, а теперь даже из Парижа, бок о бок трудились школьники, студенты, профессора университетов. Мы тоже успели посидеть под палящим солнцем с кисточками

и другими инструментами в руках. Нам тогда помогали почувствовать себя своими и нужными совершенно волшебные люди – сотрудник Заповедника Андрей Эльфович Андреев (ныне покойный), профессор Сергей Васильевич Белецкий.

Пушкинские Горы были бы совсем другим местом, посмотри мы на них из окна автобуса, машины, отеля. Но нет, Заповедник так притягателен, что оставаться внутри, «за стеклом» невозможно – необходимо выйти из собственного теплого угла, как будто пересечь невидимую границу между реальным и волшебным, пройти пешком по сказочным местам, встретить сказочных людей, сделать Пушкинские Горы своей сказкой, сделать это место – наконец-то – своим.

Ксения Калесник, гость заповедника
(весна-2000, осень-2001, лето-2002, зима-2004)

В. КОБАСНЯН. МИХАЙЛОВСКОЕ. 2005

* * *

И вправду ведь говорят, что детские воспоминания самые яркие. Бесспорно, тогда, в далеком 2002 году, определение этих воспоминаний как «детские», вызвало бы во мне море негодования: 9 класс, какое уж тут детство. Как сейчас помню, на дворе стоит золотая осень, как раз самое подходящее время для поездки в Пушкинские Горы. Мы едем в это путешествие всем классом от школы, чтобы увидеть волшебные места, тесно связанные с жизнью и творчеством Пушкина. Александр Сергеевич всей душой любил бывать здесь, любил людей и деревенский быт. Здесь он провел два года ссылки, здесь же и завещал похоронить свой прах. Оказавшись в Пушкинском заповеднике, словно попадаешь в особый мир, а время замирает. Неповторимая по своей красоте природа не могла не отразиться на творчестве поэта. Более ста произведений были написаны именно в этих краях. Природа завораживает и пленит. Здесь царит атмосфера радушия и теплоты, здесь чтят память поэта и тщательно оберегают культурное и историческое наследие для потомков. Служители заповедника всецело увлечены своей работой, с небывалым трепетом и страстью они делятся с гостями своими знаниями. Проходят столетия, а сила этого места не ослабевает. Стоит лишь раз попасть под его очарование, воспоминания навсегда останутся в вашем сердце. Самые теплые, душевные, красивые, искренне детские воспоминания, к которым хочется возвращаться вновь и вновь, сколько бы времени ни пролетело.

Юлия Бутусова, Санкт-Петербург

ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК

Музейно-информационное издание
Выходит с июня 2012 года.

Учредитель: Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское»
Адрес: 181370, РФ, Псковская обл., Пушкиногорский р-н, с. Михайловское.

Наши спонсоры:

Главный редактор Н. Б. Василевич
Редакционная коллегия: Т. С. Новикова, И. Ю. Парчевская, Е. Г. Степанова, П. А. Терещенко, Е. Н. Севастьянова, Л. А. Токарева
Тираж 500 экз.
Распространяется бесплатно.

Служба информации:
тел./факс: (81146) 2-13-73; e-mail: informpg@ellink.ru;
Экскурсионная служба (заказ экскурсий): тел./факс: (81146) 2-23-21, 2-26-09; e-mail: burexpg@ellink.ru;
Научно-музейная часть: тел./факс (81146) 2-28-77; e-mail: naukapg@ellink.ru; robotapg@mail.ru;
Интернет-сайт: www.pushkin.ellink.ru